

В диссертационный совет Д 503.001.01
при Институте законодательства и
сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Отзыв официального оппонента

Михеевой Лидии Юрьевны

на диссертацию Ломакиной Полины Александровны

на тему «Правовое регулирование общих обязательств супругов»,
представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Автор настоящего отзыва с большим удовольствием согласился выступить в качестве официального оппонента, предвкушая возможность не только сравнить диссертацию Полины Александровны с ее магистерской работой на эту же тему, защищенной в РШЧП шесть лет назад, но и прочесть убедительные аргументы в пользу смены парадигмы общих супружеских обязательств.

То, что концепция общих долгов (обязательств) супругов более не может оставаться такой же, как много десятков лет назад, уже давно очевидно для отечественных специалистов в области гражданского права и в области банкротства. Презумпция «личного» характера каждого обязательства, порождаемого действиями физического лица, а также необходимость раздела общего обязательства при разделе общего имущества конфликтуют с концепцией общности нажитого в браке имущества супругов, а также с интересами кредиторов, подчас не подозревающих о специфике внутренних супружеских правоотношений, да и о самом факте их наличия.

Все это способствует нестабильности отношений гражданского оборота с участием лиц, состоящих в браке.

Актуальность той темы, которую на протяжении нескольких лет продолжает изучать диссертантка, связана и с тем, что несколько лет назад отечественным законодателем начата реформа семейного права, предпринята попытка изменить подход к законному режиму имущества супругов и к природе обязательств супругов (см. проект федерального закона № 835938-7 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и пояснительную записку к нему, далее также – проект реформы). В период обсуждения и завершения этой реформы крайне важной становится поддержка активно развивающейся научной дискуссии, разъяснение профессиональной общественности неизбежности предстоящих изменений законодательства.

Следует отметить, что работа П.А. Ломакиной позволит указанную дискуссию продолжить, ведь в ряде принципиальных вопросов подход диссертантки разнится с тем, который избрал для себя на будущее отечественный законодатель.

Текст диссертации демонстрирует уважение автора к отечественной цивилистической доктрине, а также внимание к сравнительно-правовому материалу. Несмотря на то, что отечественный институт общей совместной собственности, как правило, принято сравнивать с его ближайшим аналогом, существующим в праве Франции, а также с отложенной общностью имущества супругов по праву Германии, диссертантка в значительной мере использовала также опыт англо-американских право порядков, для которых характерен режим раздельности имущества супругов.

Весьма положительно характеризует работу П.А. Ломакиной постоянное обращение к практике отечественных судов. Немалая часть работы представляет собой разбор того или иного судебного акта с авторской оценкой годности избранного судом подхода.

Работа состоит из четырех глав, включающих 20 параграфов, снабжена заключением и библиографическим списком.

Оппонент обнаруживает в тексте диссертации ряд новых научных идей или идей, ранее не получивших достаточной аргументации.

К ним относится прежде всего мысль П.А. Ломакиной о том, что «правило о сохранении объема ответственности (сохранении объема имущества, обеспечивающего обязательства) должно работать во всех ситуациях, когда определенный субъект или субъекты, *выступающие в обороте как одно целое* (а именно так воспринимаются супруги с точки зрения кредиторов по их общим долгам), юридически делятся, распределяя между собой пассивы и активы, выступающие гарантией интересов их кредиторов» (стр.80).

Всякий цивилист, в особенности мыслящий широко цивилист, получит удовлетворение и радость от тех страниц работы, на которых диссертантка сравнивает раздел имущества супругов с реорганизацией юридического лица: «в случае с реорганизацией такую ответственность будут нести правопреемники юридического лица, подвергшегося выделению или разделению, в случае с разделом супругами их имущества (путем заключения брачного договора или соглашения о разделе имущества) солидарную ответственность будет нести каждый из них». Думается, что эту идею можно углубить, опираясь на концепт добросовестности и противопоставляя брачному договору или соглашению о разделе имущества супругов предыдущее поведение этих должников по отношению к кредитору.

Увы, самая ценная часть цитированной авторской мысли («выступающие в обороте как одно целое») не была развита в работе, должной рефлексии на этот счет в тексте диссертации не обнаруживается.

Следует поддержать высказанное в диссертации суждение о том, что «сохранение обязанности по погашению задолженности только за одним супругом ставит другого супруга, не участвовавшего в обязательстве, в значительно более выгодное положение» (страницы 14, 87). Отталкиваясь от

него, иные авторы могут прийти к выводам, противоположным тем, что содержатся в диссертации, и доказывать необходимость обобщения любого обязательства, созданного действиями только одного из супругов.

В отличие от иных участников дискуссии о природе общего долга, бурно развивающейся в среде отечественных цивилистов в последние годы, П.А. Ломакина не видит оснований считать должником того супруга, который не участвовал в сделке с третьим лицом. К сожалению, из текста работы не всегда можно понять, идет ли речь при этом лишь о тех случаях, когда третье лицо не знало и не могло знать о брачном положении своего контрагента. Диссертантка, обосновывая невозможность наречения должником того, кто в сделке не участвовал, цитирует К.А. Граве и находит подтверждение его позиции в действующем пункте 3 статьи 308 ГК РФ. Это в действительности важное обстоятельство, которое должно быть принято во внимание теми, кто впредь будет пытаться выстраивать доктрину общего супружеского долга.

Приятно, что диссертантка фактически поддержала разработчиков реформы семейного законодательства в вопросе о тождестве природы брачного контракта и соглашения о разделе имущества (в проекте реформы предлагается распространить действие статьи 46 СК РФ также и на соглашения о разделе имущества супругов). П.А. Ломакина тоже считает, что соглашение о разделе имущества и брачный контракт в силу общей природы должны иметь одинаковые последствия для третьих лиц.

Открывая научную дискуссию по поводу состоявшегося диссертационного исследования, оппонент хотел бы прежде всего отметить, что общий подход к проблеме и способы ее решения, предложенные в работе, спорны.

Анализируя понятийный аппарат Семейного кодекса Российской Федерации, диссертантка выводит значение понятия «общее обязательство» из тех интерпретаций, которые встречены ею в актуальных судебных актах. Допуская возможность такой методологии в случаях, когда для

анализируемых отношений отсутствует внятное регулирование, следует возразить против ее применения в рассматриваемой ситуации.

Дело в том, что рассматриваемая категория – обязательства супругов – целиком и полностью располагается в сфере гражданского законодательства. Правоотношение между супругом-должником и третьим лицом – это обычная для гражданского права конструкция, особенностью которой является известная неопределенность в вопросе о том, нет ли в этом правоотношении множественности лиц на стороне должника.

Следовательно, оценка этого правоотношения невозможна без анализа доктрины долевых и солидарных обязательств, как минимум без отсылки к трудам Л.А. Лунца и О.С. Иоффе. Справедливости ради следует отметить, что в диссертации использованы труды В.И. Синайского и С.В. Сарбаша, в которых анализируется множественность лиц в обязательстве, но сделано это лишь для того, чтобы примерить предложенную этими учеными модель долевого долга с ручательством к тому долгу, который не очень явно обозначен в работе в качестве общего супружеского долга.

Оттолкнувшись от отечественной цивилистической доктрины в той точке, где она объясняет основание множественности лиц на стороне должника, автору не удалось.

Более того, осталось сумбурным предложенное в диссертации разграничение общих обязательств супругов и совместных обязательств супругов. Неясны различия в основаниях их возникновения и в режиме их исполнения, при этом в основной части работы идет речь о тех обязательствах, которые названы в статье 45 СК РФ общими обязательствами супругов.

Вслед за высказываниями советских авторов и неглубокомысленными выводами, обнаруженными в судебной практике, диссертантка пытается отграничить личные обязательства супругов от их общих обязательств по такому критерию, как характер фактического использования полученного по

обязательству имущества (страница 35 – предложение по изменению редакции п.1 ст. 45 СК РФ).

Иными словами, диссертант предлагает нам ничего не менять в подходах, определяя судьбу обязательства и режим его исполнения не на стадии возникновения обязательства, а на стадии заявления кредитором требования, тем самым ставя судьбу обязательства в зависимость от последующего поведения того супруга, который выступил в роли контрагента (в зависимость от того, на чьи «нужды» он потратил полученное от кредитора).

Кроме того, в этом выводе диссертантка местами противоречит сама себе. Так, призывая сохранить предположение о личном характере обязательства, создаваемого действиями одного из супругов, она при этом отмечает, что «парадоксальной и несправедливой видится ситуация, в которой приобретенное имущество, задействованное в предпринимательской деятельности, становится общей собственностью супругов, но при этом заем или кредит, взятый для покупки этого имущества, вынужден погашать только один из супругов», предлагая «устанавливать, получила ли семья какую-либо выгоду в результате этого обязательства».

Следует отметить, во-первых, что в результате активной деятельности одного из супругов никакой «выгоды» по причинам объективного характера может и не быть, сколько ни старался бы такой супруг. Во-вторых, о наличии или отсутствии «выгоды» можно будет судить не сразу после возникновения спорного обязательства, а чаще всего спустя несколько лет после этого. Очевидно, что положение кредитора по такому обязательству не может оставаться неопределенным долгое время и ставиться в зависимость от того, как семья предпринимателя определит для себя успешность предпринятых им усилий.

Такой подход, уже сложившийся в нашем праве исторически, не учитывает основного фактора, предопределяющего существо множественности лиц в обязательстве на стороне должника, -

осведомленность кредитора о характере действий лица, вступающего в отношения с кредитором, еще на стадии возникновения обязательства.

К сожалению, проблема осведомленности третьего лица не анализируется автором применительно к самой природе обязательств супругов, этот вопрос фигурирует на страницах работы лишь применительно к осведомленности кредитора о заключении между супругами сделок, влияющих на последующее исполнение обязательства (стр.76 и далее).

Сравнительно-правовой анализ проблемы осведомленности кредитора о сделках супругов представлен в основном материалом по праву североамериканских штатов, в которых аналоги российского режима имущества супругов почти не встречаются. В то же время французское право, которое, как известно, содержит наиболее схожую модель имущественных отношений супругов, диссертантка не анализирует, ссылаясь в соответствующем абзаце (стр.40) лишь на одну публикацию российского автора. Если бы автор в этой части работы пожелал непосредственно ознакомиться с текстом Французского гражданского кодекса, то, вероятно, выводы, представленные в диссертации, могли быть несколько иными. Обращение к французскому опыту в абзаце втором страницы 106 диссертации, надо сказать, является запоздалым и неполноценным.

Дело в том, что российская цивилистика уже значительно шагнула вперед в этой части. Активно дебатироваться в настоящее время вопросы об обстоятельствах, в которых возникает обязательство с участием супруга, о наличии у кредитора информации о матримониальном положении контрагента, о доступности или недоступности такой информации в открытых источниках, о возможности или невозможности закрепления презумпции осведомленности всякого кредитора о брачном положении должника, о необходимости открыть для кредиторов сведения о зарегистрированных браках. Одно из последних обсуждений этих спорных вопросов, например, состоялось 15 апреля с.г. на открытом совместном

заседании Клуба семейного права и Банкротного клуба (<http://familylawclub.privlaw.ru/>).

Еще одним разочарованием для оппонента стало то, что диссертантка под имуществом супругов понимает лишь «активы», при этом занятая ею позиция, к сожалению, вступает в противоречие с некоторыми последующими высказываниями автора. Так, в положении №4, выносимом на защиту, указывается, что в пункте 2 статьи 38 СК РФ термин «имущество» употреблен в широком смысле. Эта мысль звучит и на страницах 82-83. Однако попытка взглянуть на супружеское правоотношение шире все же не увенчалась успехом.

Автор диссертации возражает против идеи о молчаливом одобрении обязательств, созданных действиями одного супруга, другим супругом. П.А. Ломакина пишет о том, что второй супруг о таких действиях знает не всегда и расширять сферу его ответственности таким способом было бы несправедливо (см. стр.13). Далее в работе она примыкает к позиции, которую обосновала в 1997 году Е.А.Чефранова, и отмечает в диссертации, что было бы справедливо сохранить за супругом, создавшим обязательство своими действиями, бремя доказывания того, что полученное по этому обязательству «потрачено на нужды семьи» (стр.55 и др.). Одновременно с этим высказыванием встречается и весьма спорная мысль о том, что «приобретение актива, используемого в предпринимательских целях, не направлено на нужды семьи» (стр.16 и др.), вступающая в противоречие с иными авторскими утверждениями (см.выше). По счастью, в банкротстве бремя доказывания автор предлагает переложить на противящегося ответственности супруга, однако из текста диссертации нельзя понять, чем объясняется такая разность подходов.

Следует подчеркнуть в этой связи, что отдельное исследование вопросов ответственности супругов в банкротстве (глава IV) и постановка по ним выводов, отличающихся от регулирования ответственности вне банкротства, не имеет под собой никаких доктринальных и

методологических оснований. Предлагаемые в работе различия для «общих» случаев ответственности супругов и случаев их банкротства, будь они реализованы законодателем, создали бы основание для конституционного оспаривания новых норм со ссылкой на неравное положение лиц в сравниваемых ситуациях.

В перечисленных выше базовых авторских суждениях консервируются по существу все те идеи, которые были выработаны советской наукой семейного права. С этими идеями хорошо знакомы все, кто читал работы В.А. Рясенцева, Е.М. Ворожейкина, А.М. Нечаевой и других советских авторов, известных в большей мере как специалисты в области семейного, но не гражданского законодательства. На языке современного юриста эти идеи звучат следующим образом – супруги наживают сообща только вещи, деньги и иные активы, между супругами возникают отношения собственности, для третьих лиц брачное положение должника не имеет значения. Иными словами, супружеское правоотношение – сугубо внутреннее, оно имеет вещный характер.

Между тем идеи эти безнадежно устарели.

Такие подходы были свойственны для экономики, в которой нет места частной собственности, в которой объектами присвоения для граждан служил ограниченный круг объектов гражданских прав (прежде всего вещей потребительского свойства). В рамках такого социально-экономического уклада, которому по понятным причинам не свойственно кредитование граждан, практически не было нужды защищать интересы кредиторов супругов. Советский правопорядок не ставил перед собой задачу обеспечить баланс между интересами супругов и их кредиторов, вполне достаточно было разрешить лишь проблему справедливого распределения между самими супругами тех немногих материальных благ, которые им удавалось нажить за время брака.

Невероятно жаль, что даже в попытке проанализировать режимы общности имущества по континентальному праву (включая режим

отложенной общности) диссертантка не делает следующего шага и не переходит к модели, в основе которой лежит товарищеское обязательство между супругами, завершающееся при разрыве супружеских отношений взаимными расчетами. В работе слышен лишь вздох сожаления относительно невозможности рецепировать правила ГГУ, но нет попытки преодолеть практику заимствования и запустить собственные эволюционные процессы.

Вещная модель супружеского правоотношения – признанный анахронизм, и все усилия подавляющего большинства отечественных специалистов в последние годы направлены на то, чтобы превратить супружеское правоотношение в качественное товарищеское обязательство, отразить в нем специфику личных отношений супругов и установить баланс в отношениях супругов и кредиторов за счет новой системы расчетов. Именно в этой нашей общей работе пригодились бы суждения П.А. Ломакиной о том, супруги – *«субъекты, выступающие в обороте как одно целое»*.

Впрочем, объяснение происходящих в отечественном праве перемен на страницах настоящего отзыва было бы излишним, так как уже оно изложено в материалах проекта реформы и посвященных ей публикациях, увы, в работе П.А. Ломакиной не использованных.

Следствием того, что диссертантка не сочла возможным отойти от вещной концепции супружеского имущества, стала и центральная идея работы.

Автор, воспроизводя мысль, изложенную в своей магистерской диссертации, вновь пишет о том, что общие долги супругов должны погашаться по модели долевого обязательства с ручательством: «кредитор первоначально сможет требовать от каждого из бывших супругов уплаты только части долга, закрепленного за каждым. В случае же неисполнения обязательства одним из супругов взыскание будет обращено на его имущество (долю, полученную из совместно нажитого имущества, а также личное имущество), и лишь затем, в случае недостаточности этого

имущества, требование может быть предъявлено в оставшейся части ко второму супругу» (стр.102).

В этой части работы диссертантка спорит с собой и отмечает, что эта концепция может противоречить относительной природе обязательств, а также нормам о переводе долга.

В связи с упоминанием в работе этого довода, в действительности заслуживающего внимания, вновь возникает вопрос о том, какие же обязательства имеет в виду П.А. Ломакина – те, которые возникли при осведомленности кредитора о брачном положении должника, или те, в которых кредитор даже не мог догадываться о наличии брака, но позже узнал, что «полученное по обязательству было использовано на нужды семьи». К большому сожалению, этот основной вопрос так и не был прояснен в ходе всего исследования, хотя в главе IV диссертации и встречается мысль об исключении из общих обязательств супругов тех обязательств, кредитор по которым «сам не знал, что долг является общим» (стр.133).

Диссертантка остается в плену вещной концепции даже в том параграфе, который посвящен возможности учета долга при разделе имущества супругов (стр.95-97), при анализе материала, который, казалось бы, подталкивает автора к тому, чтобы решить проблему справедливого распределения бремени долга исключительно путем расчетов по внутреннему правоотношению супругов.

Работа П.А. Ломакиной стала бы в действительности прорывной, если бы в ней был учтен тот путь, который проделала отечественная цивилистика за прошедшие годы, а также был бы учтен ход публичного обсуждения проекта реформы (научно-практические конференции, организованные Исследовательским центром частного права и Государственной Думой РФ 28 - 29 сентября 2017 г., 15 - 16 ноября 2019 г.). Материалы этого обсуждения, в частности, публиковались в журнале «Семейное и жилищное право» (2018, 2020), в котором печаталась и сама диссертантка.

В результате целый ряд предложений диссертантки, представленных как новые идеи, не могут быть оценены в таком качестве. Они не просто не новы, они давно разработаны и находятся в шаге от того, чтобы стать нормой права (в частности, это относится к содержанию параграфа 3.7 главы III, а также к существенной части содержания главы IV).

Приведенные соображения не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования. Как уже отмечалось, автор избрал для исследования чрезвычайно актуальную тему и предпринял попытку ее анализа сквозь призму складывающейся судебной практики. Применительно к супружеским обязательствам предложено применить модель долевого долга с ручательством. Содержание представленной к защите работы отражено в автореферате и в опубликованных научных статьях автора, в том числе в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ.

Диссертация написана автором самостоятельно, содержит научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты и свидетельствующие о личном вкладе П.А. Ломакиной в науку отечественного права.

Диссертация П.А. Ломакиной является научно-квалификационной работой, в которой предложено решение научной задачи, имеющей важное значение для развития такой отрасли знаний, как цивилистическая наука (в части порядка погашения возникших в период брака обязательств). Работа соответствует заявленной специальности «12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», а также требованиям, предъявляемым к такого рода работам Положением о присуждении ученых степеней (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842). Диссертант заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук.

официальный оппонент -
председатель совета (руководитель)
федерального государственного бюджетного
учреждения «Исследовательский центр
частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации»
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Л.Ю. Михеева

1 сентября 2021 года

Почтовый адрес 103132, г.Москва, ул.Ильинка, 8/2,стр.1

E-mail: mikheeva@privlaw.ru

Рабочий телефон +7-495-6063636

Подпись Михеевой Л.Ю. верна
Исполнительный директор

Карлова Н.В.
01.09.2021г.

